

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Николай Носов

МИШКИНА КАША

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Николай Носов

Мишкина каша

Издание И.П.Носова
Москва 2010

САМОУВАР

ЗАТЕЙНИКИ

Мы с Валею затейники. Мы всегда затеем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поросёнка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

– Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

– Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и завесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

– Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

– Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

– Ничего, – говорит Валя. – У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

– А ты меня видишь?

– Нет. А ты меня?

– И я, – говорю, – нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу!
Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

– Чего ты? – спрашивает.

– Меня, – говорю, – кто-то схватил за ногу. Может
быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я – за ней. Вы-
бежали в коридор и дверь захлопнули.

– Давай, – говорю, – дверь держать, чтобы он не от-
крыл.

Держали мы дверь, держали.

Валя и говорит:

– Может быть, там никого нет?

Я говорю:

– А кто же тогда меня за ногу трогал?

– Это я, – говорит Валя, – я хотела узнать, где ты.

– Чего же ты раньше не сказала?

– Я, – говорит, – испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

– Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

– Нет, ты пойдди!

Я говорю:

– Там же никого нет.

– А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

– Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

КАРАСИК

Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик – вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой – кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить.

А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

– Ты смотри за Мурзиком, – говорила Виталику мама.
– Как бы он не съел твоего карася.

– Не съест, – отвечал Виталик. – Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику пришёл его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

– Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свой свисток.

– Зачем мне свисток? – сказал Виталик. – По-моему, рыбка лучше свистка.

– Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

– Зачем же рыбке свистеть? – ответил Виталик. – Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

– Сказал! – засмеялся Серёжа. – Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест – он железный.

– Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, – сказал Виталик.

– Где же она купит такой свисток? – ответил Серёжа. – Такие свистки не продаются. Это настоящий милиционерский свисток. Я как выйду во двор да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток и засвистел.

– А ну, дай я, – попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

– А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

– А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

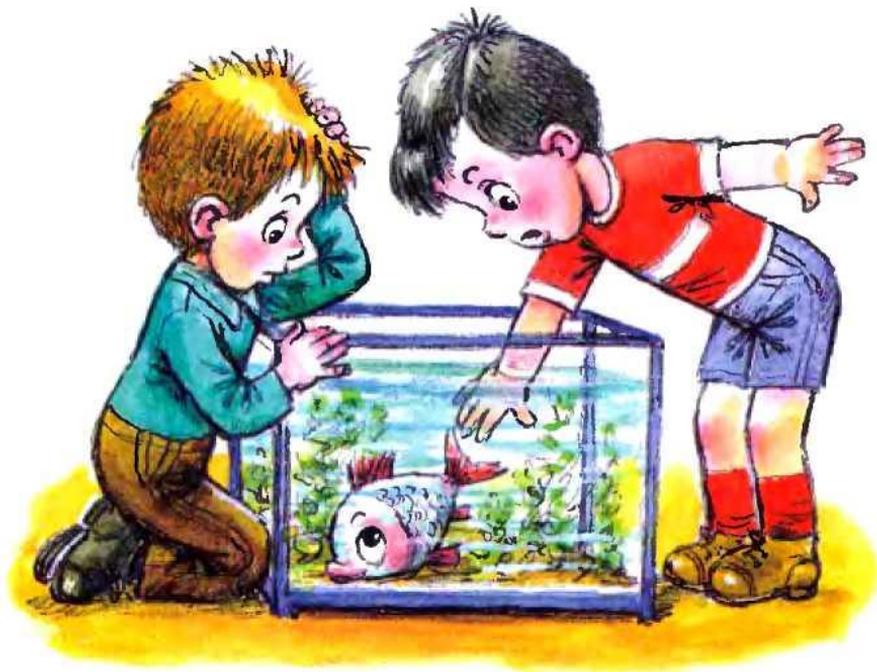
– Ну ладно, – согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плывал быстро и не давался в руки.

Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

– Есть! – закричал он. – Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже – сажать

рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток.

«Ну ничего, может быть, мама и не заметит сразу, что рыбка пропала», – подумал Виталик и пошел домой

Когда он вернулся, мама уже была дома.

– Где же твоя рыбка? – спросила она.

Виталик растерялся и не знал, что сказать.

– Может быть, её Мурзик съел? – спросила мама

– Не знаю, – пробормотал Виталик.

– Вот видишь, – сказала мама. – Он выбрал-таки время, когда дома никого не было, и выловил из аквариума рыбку! Где он, разбойник? Ну-ка, найди мне его сейчас!

– Мурзик! Мурзик! – стал звать Виталик, но кот нигде не было.

– Наверно, в форточку убежал, – сказала мама. – Пойди-ка во двор, позови его.

Виталик надел пальто и вышел во двор.

«Вот как нехорошо получилось! – думал он. – Теперь Мурзику из-за меня достанется».

Он хотел вернуться домой и сказать, что Мурзика во дворе нет, но тут Мурзик выскочил из отдушины, которая была под домом, и быстро побежал к двери.

– Мурзинька, не ходи домой, – сказал Виталик. – Тебе попадёт от мамы.

Мурзик замурлыкал, принялся тереться спинкой об ноги Виталика, потом поглядел на закрытую дверь и потихоньку мяукнул.

– Не понимаешь, глупый, – сказал Виталик. – Тебе ведь человеческим языком говорят, что нельзя домой.

Но Мурзик, конечно, ничего не понимал. Он ласкался к Виталику, тёрся об него боками и потихоньку бодал его головой, будто торопил поскорей открыть дверь. Виталик стал отталкивать его от двери, но Мурзик не хотел уходить. Тогда Виталик спрятался от него за дверь.

– Мяу! – закричал Мурзик под дверью.

Виталик поскорей вышел обратно:

–Тише! Кричит тут! Вот мама услышит, тогда узнаешь!
Он схватил Мурзика и принялся запихивать его обратно в отдушину под домом, из которой Мурзик только что вылез. Мурзик упирался всеми четырьмя лапами и не хотел лезть в отдушину.

– Лезь, глупый! – уговаривал его Виталик. – Посиди там пока.

Наконец он его целиком запихал в отдушину. Только хвост Мурзика остался торчать снаружи. Некоторое время Мурзик сердито вертел хвостом, потом и хвост скрылся в отдушине. Виталик обрадовался. Он думал, что котёнок останется теперь сидеть в подвале, но тут Мурзик снова выглянул из дыры.

– Ну, куда же ты лезешь, глупая голова! – зашипел Виталик и загородил выход руками. – Говорят же тебе: нельзя домой идти.

– Мяу! – закричал Мурзик.

– Вот тебе и «мяу»! – передразнил его Виталик. – Ну что мне теперь делать с тобой?

Он стал оглядываться вокруг и искать, чем бы закрыть дыру. Рядом лежал кирпич. Виталик поднял его и закрыл дыру кирпичом.

– Вот теперь не вылезешь, – сказал он. – Посиди там, в подвале, а завтра мама забудет про рыбку, и я тебя выпущу.

Виталик вернулся домой и сказал, что Мурзика во дворе нет.

– Ничего, – сказала мама, – вернётся. Я всё равно не прощу ему этого.

За обедом Виталик сидел грустный и даже не хотел ничего есть.

«Я вот обедаю, – думал он, – а Мурзик, бедный, в подвале сидит».

Когда мама вышла из-за стола, он незаметно сунул в карман котлету и пошёл во двор. Там он отодвинул кирпич, которым была закрыта отдушина, и потихоньку позвал:

– Мурзик! Мурзик!

Но Мурзик не отзывался. Виталик нагнулся и заглянул в дыру. В подвале было темно и ничего не было видно.

– Мурзик! Мурзинька! – звал Виталик. – Я тебе котлету принёс!

Мурзик не вылезал.

– Не хочешь – ну и сиди, глупая голова! – сказал Виталик и вернулся домой.

Дома без Мурзика ему было скучно. На душе было как-то нехорошо, потому что он обманул маму. Мама заметила, что он грустный, и сказала:

– Не горюй! Я тебе другую рыбку куплю.

– Не надо, – сказал Виталик.

Он уже хотел признаться маме во всём, но у него не хватило смелости, и он ничего не сказал. Тут за окном послышался шорох и раздался крик:

– Мяу!

Виталик посмотрел в окно и увидел снаружи на подоконнике Мурзика. Видно, он вылез из подвала через другую дырку.

– А! Пришёл наконец, разбойник! – сказала мама. – Иди-ка сюда, иди!

Мурзик прыгнул в открытую форточку и очутился в комнате. Мама хотела схватить его, но он, видно, догадался, что его хотят наказать, и шмыгнул под стол.

– Ишь ты, хитрец какой! – сказала мама. – Чувствует, что виноват. Ну-ка, поймай его.

Виталик полез под стол. Мурзик увидел его и юркнул под диван. Виталик был рад, что Мурзик удрал от него. Он полез под диван и нарочно старался шуметь, чтобы Мурзик услышал и успел убежать. Мурзик выскочил из-под дивана. Виталик погнался за ним и принялся бегать по всей комнате.

– Что ты такой шум поднял? Разве его так поймаешь! – сказала мама.

Тут Мурзик прыгнул на подоконник, где стоял аквариум, и хотел выскочить обратно в форточку, но сорвался и с размаху как плюхнется в аквариум! Вода так и брызнула в разные стороны. Мурзик выскочил из аквариума и давай отряхиваться. Тут мама и схватила его за шиворот.

– Вот я тебя проучу как следует!

– Мамочка, миленькая, не бей Мурзика! – заплакал Виталик.

– Нечего его жалеть, – сказала мама. – Он ведь не пожалел рыбку!

– Мамочка, он не виноват!

– Как же «не виноват»? А кто карася съел?

– Это не он.

– А кто же?

– Это я...

– Ты съел? – удивилась мама.

– Нет, я не съел. Я его на свисток променял.

– На какой свисток?

– Вот на этот.

Виталик вынул из кармана свисток и показал маме.

– Как же тебе не стыдно? – сказала мама.

– Я нечаянно. Серёжа сказал: «Давай меняться», – я и поменялся.

– Я не о том говорю! Я говорю, почему ты не сказал правду? Я ведь на Мурзика подумала. Разве честно на других сваливать?

– Я боялся, что ты станешь бранить меня.

– Это только трусы боятся говорить правду! Хорошо было бы, если б я наказала Мурзика?

– Я больше не буду.

– Ну смотри! Только потому прощаю, что ты всё-таки сам признался, – сказала мама.

Виталик взял Мурзика и понёс к батарее сушиться. Он посадил его на скамеечке и сел рядом с ним. Мокрая шерсть на Мурзике торчала в разные стороны, как иголки у ёжика, и от этого Мурзик казался таким худым-худым, будто целую неделю совсем ничего не ел. Виталик вынул из кармана котлету и положил перед Мурзиком. Мурзик съел котлету, потом забрался на колени к Виталику, свернулся калачиком и замурлыкал свою песенку.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

– Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

– Где ты их взял? – говорит мама.

– На огороде.

– На каком огороде?

– Там, у реки, на колхозном.

– Кто ж тебе позволил?

– Никто, я сам нарвал.

– Значит, украл?

– Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

– Постой, постой! Не выгружай! – говорит мама.

– Почему?

– Сейчас же неси их обратно!

– Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

– Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

– Ну, я их выброшу.

– Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

– Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

– Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

– Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

– Ну как тебе не стыдно! – говорит мама. – Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

– Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

– И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

– Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

– А брать не боялся?

Мама дала Котье в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

– Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котья повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, – решил Котья и стал оглядываться вокруг. – Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! – думал Котья. – Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котья из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

– Ты чего плачешь? – спрашивает.

– Дедушка, я принёс огурцы обратно.

– Какие огурцы?

– А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

– Вот оно какое дело! – удивился сторож. – Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Не хорошо!

– Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

– А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котья вытащил огурцы и положил их на грядку.

– Ну, все, что ли? – спросил старик.

– Нет... одного не хватает, – ответил Котька и снова заплакал.

– Почему не хватает, где же он?

– Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

– Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

– А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

– Ишь ты какое дело! – усмехнулся дедушка. – Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

– Дедушка, дедушка!

– Ну что ещё?

– А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться – украл я его или нет?

– Гм! – сказал дед. – Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

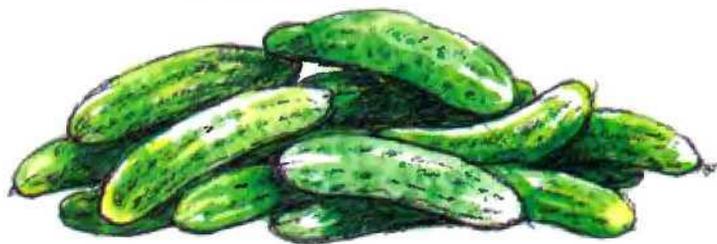
– А как же?

– Ну, считай, что я тебе подарил его.

– Спасибо, дедушка! Я пойду.

– Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

ДРУЖОК

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться – так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг оценилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один – совсем рыжий, только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

– Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать – не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

– Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

– Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, – сказала тётя Наташа. – А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить.

– Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: «Тяф! Тяф!» – совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними.

Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

– Зря я вам поверила, – сказала тётя Наташа. – Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой братья за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо:

«Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и

буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака».

Мы называли щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

* * *

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

– Как же вы повезёте своего щенка? – спросила тётя Наташа. – Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит кондуктор и оштрафует.

– Ничего, – говорит Мишка, – мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётёй Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что доведём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

– Молодец Дружок! – радовался Мишка. – Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко. Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

* * *

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как со-рока:

– Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

– Сюда, сюда! – трещала девчонка. – Садитесь! Я вот здесь сяду с тётёй Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

– Не шуми так, Леночка, – сказала тётя Надя.

И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой, а

дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

– Ой, как хорошо! – захлопала в ладоши Леночка. – С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой – три теньки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой послышался шорох и начало что-то скрестись, словно мышь.

– Это Дружок! – зашептал Мишка. – А что, если кондуктор придёт?

– Ничего, может быть, он и не услышит.

– А если Дружок лаять начнёт?

Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

– Ай, мамочка, мышь! – завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

– Что ты выдумываешь! – сказала тётя Надя. – Откуда тут мышь?

– А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заскулил. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

– Мальчик, перестань! Это на нервы действует.

В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

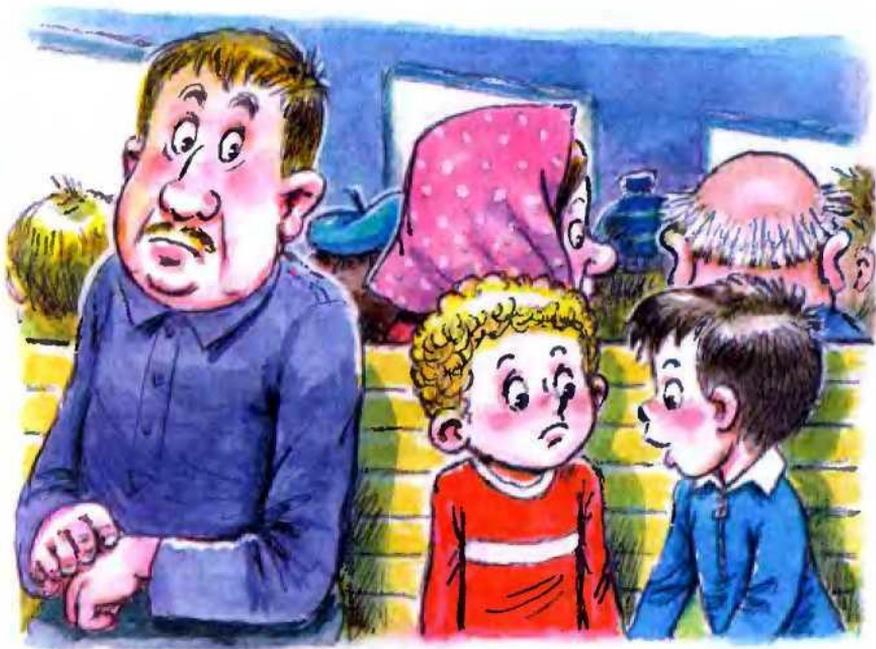
– Давай будем песни петь! – шепчет Мишка.

– Неудобно, – говорю я.

– Ну, давай громко стихи читать.

– Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.

В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

– На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается!

Леночка стала хихикать и говорить:

– Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

– Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! – шутили пассажиры.

А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот и после зимы наступила вдруг осень:

Скучная картина!
Тучи без конца.
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка закричал что было силы:

Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит:

– Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла. Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на солнышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки говоришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи выскочили из головы, только одна песня вертелась. Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на манер стихов:

Ах вы сени, мои сени!
Сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

– Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся!

А Леночка надула губки и говорит:

– Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени!

А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

– Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! – проворчал дядя Федя.

– Ты не волнуйся, – говорила ему тётя Надя. – Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

– О! – засмеялись в вагоне. – На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

– Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать.

А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.
Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

– А этот всё какие-то песни читает!

– А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? – сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

– Нет, братец, – проворчал дядя Федя, – если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

– Смотри, – сказал Мишка, – когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

– Надо посмотреть – может, он там задохнулся? – говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

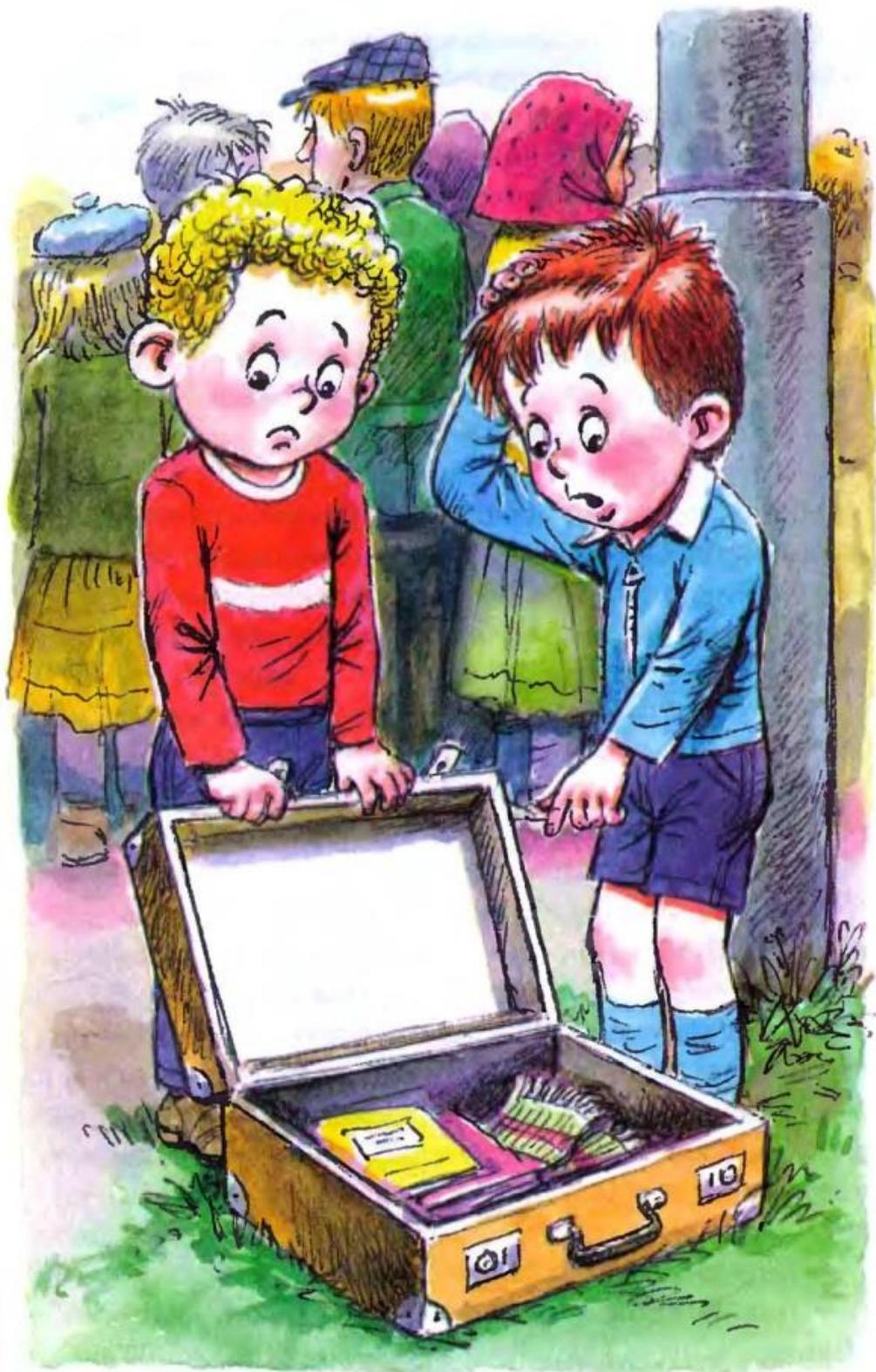
– Что это? – говорит Мишка. – Куда же Дружок делся? Тут я понял, в чём дело.

– Стой! – говорю. – Да это ведь не наш чемодан!

Мишка посмотрел и говорит:

– Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и потом наш был коричневый, а этот рыжий какой-то. Ах я, разиня! Схватил чужой чемодан!

– Бежим скорей обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, – сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли, в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать подлавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

– Наверно, его забрал кто-нибудь.

– Давай ещё раз пройдем по вагонам, – говорит Мишка.

Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

– Нечего, – говорит, – по вагонам шнырять!

Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

– Что с тобой?

– Дружок пропал!

– Какой дружок?

– Ну, щенок. Не получала письма разве?

– Нет, не получала.

– Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка расплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

* * *

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

– Знаешь, теперь выходит – я вор!

– Почему?

– Ну, я ведь чужой чемодан взял.

– Ты ведь по ошибке.

– Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

– Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

– Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

– Да как же ты найдёшь этого человека?

– А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

– Правильно! – говорю я.

– Давай записки писать.

Нарезали мы бумаги и стали писать:

«Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

– Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

– Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал, – сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

«Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на фонарных столбах... Только записок оказалось мало.

Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали – вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётенька.

– Вам кого? – спрашивает Мишка.

– Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

– А зачем?

– Я, – говорит, – чемодан потеряла.

– А! – обрадовался Мишка. – Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётенька посмотрела и говорит:

– Это не мой.

– Как – не ваш? – удивился Мишка.

– Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

– Ну, тогда вашего у нас нет, – говорит Мишка. – Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста.

Тётенька засмеялась и говорит:

– Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: «Мой чемодан» – и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

– Верно! – говорит Мишка. – А мы и не сообразили!

Тётенька ушла.

– Вот видишь, – говорит Мишка, – сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук – все шли

к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

– Удивляюсь! – говорил Мишка. – Приходят только те, у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

– А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

– Могли бы хоть письмо написать, – говорит Мишка. – Мы бы сами пришли.

* * *

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал отворять. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

– Может быть, это про нашего Дружка! – сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

– Это не нам письмо, – сказал наконец Мишка. – Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо «Песчаная» улица написал «Печная». Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! – закричал Мишка. – Тебе письмо от какого-то грамотея!

– Что это за грамотей?

– А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

– «Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...» Что это? – говорит мама. – Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

* * *

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

– Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем новая учительница, Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна да-

ла нам расписание уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

– Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина «Зима»?

– Учили! – загудели все хором.

– Кто помнит это стихотворение?

Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

– Ты ведь помнишь?

– Помню.

– Так поднимай руку!

Мишка поднял руку.

– Ну, выходи на середину и читай, – сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

– Постой, постой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Мишка сконфузился и говорит:

– Верно.

– Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

– А стихи не надо кончать? – спросил Мишка.

– Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

– Это она! Та тётенька, которая с нами в поезде ехала.

Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

– Помню, – говорю. – Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

– Ну, что теперь будет? – беспокоился Мишка. – Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

– Ну, что тебе учительница сказала? – спрашиваю я.

– Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

– Вам кого? – спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

– Пойдите, – говорит Мишка. – Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну.

Леночка говорит:

– Вы, наверно, чемодан принесли?

– Принесли.

– Ну, заходите.

Она привела нас в комнату и закричала:

– Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли!

Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

– Вот они, мои любимые старые очки! – обрадовался он. – Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

– Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

– Ну вот! – сказал дядя Федя. – А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее – всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

– Смотри! – прошептал Мишка.

Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

– Дружок! – закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

– Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас?

Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

– Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

– Да, – сказал дядя Федя, – это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слёзы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

– Обязательно привезите, – сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на руках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

– Вы, наверно, за чемоданом пришли? – спросили мы их.

– Да, – сказали они. – Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

– Да, это мы, – говорим мы. – Только никакого чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

– Так вы бы снимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободрали их.

ТЕЛЕФОН

Один раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку – телефон. В большой деревянной коробке лежали два телефонных аппарата, две трубки, в которые говорить и слушать, и целая катушка проволоки. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой – у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться.

– Вот нам бы купить! Мы как раз соседи, – сказал Мишка. – Хорошая штука! Это не какая-нибудь простая игрушка, которую поломаешь и выбросишь. Это полезная вещь!

– Да, – говорю я, – очень полезная штука! Захотел поговорить, взял трубку – поговорил, и ходить никуда не надо.

– Удобство! – восторгался Мишка. – Сидишь дома и разговариваешь. Замечательно!

Мы с Мишкой решили собирать деньги, чтобы купить телефон. Две недели подряд мы не ели мороженого, не хо-

дили в кино – всё деньги копили. Наконец насобирали сколько было нужно и купили телефон.

Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой – у Мишки, и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз, прямо к Мишкиному телефону.

– Ну, – говорит Мишка, – попробуем разговаривать. Беги наверх и слушай.

Я помчался к себе, взял трубку и слушаю, а трубка уже кричит Мишкиным голосом:

– Алло! Алло!

Я тоже как закричу:

– Алло!

– Слышно что-нибудь? – кричит Мишка.

– Слышно. А тебе слышно?

– Слышно. Вот здорово! Тебе хорошо слышно?

– Хорошо. А тебе?

– И мне хорошо! Ха-ха-ха! Слышно, как я смеюсь?

– Слышно. Ха-ха-ха! А тебе слышно?

– Слышно. Послушай, сейчас я к тебе приду.

Мишка прибежал ко мне, и мы принялись обниматься от радости.

– Хорошо, что купили телефон! Правда? – говорит Мишка.

– Конечно, – говорю, – хорошо.

– Слушай, сейчас я пойду обратно и позвоню тебе.

Он убежал и позвонил снова.

Я взял трубку:

– Алло!

– Алло!

– Слышно?

– Слышно.

– Хорошо?

– Хорошо.

– И у меня хорошо. Давай разговаривать.

– Давай, – говорю. – А о чём разговаривать?
– Ну, о чём... О чём-нибудь... Хорошо, что мы купили телефон, правда?

– Правда.

– Вот если бы не купили, было бы плохо. Правда?

– Правда.

– Ну?

– Что «ну»?

– Чего же ты не разговариваешь?

– А ты почему не разговариваешь?

– Да я не знаю, о чём разговаривать, – говорит Мишка.
– Это всегда так бывает: когда надо разговаривать, так не знаешь, о чём разговаривать, а когда не надо разговаривать, так разговариваешь и разговариваешь...

Я говорю:

– Давай вот что: подумаем, а когда придумаем, тогда позвоним.

– Ладно.

Я повесил трубку и стал думать. Вдруг звонок. Я взял трубку.

– Ну, придумал? – спрашивает Мишка.

– Нет, ещё не придумал.

– Я тоже ещё не придумал.

– Зачем же ты звонишь, раз не придумал?

– А я думал, что ты придумал.

– Я сам тогда позвонил бы.

– А я думал, что ты не догадаешься.

– Что ж я, по-твоему, осёл?

– Нет, какой же ты осёл! Ты совсем не осёл! Разве я говорю, что ты осёл!

– А что ты говоришь?

– Ничего. Говорю, что ты не осёл.

– Ну ладно, довольно тебе про осла твердить! Давай лучше уроки учить.

– Давай.

Я повесил трубку и сел за уроки. Вдруг Мишка снова звонит:

– Слушай, сейчас я буду петь и на рояле играть по телефону.

– Ну, пой, – говорю.

Послышалось какое-то шипение, потом забренчала музыка, и вдруг Мишка запел не своим голосом:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни-и-и?

«Что это? – думаю. – Где он так петь выучился?»

Вдруг Мишка сам является. Рот до ушей.

– Ты думал, это я пою? Это патефон по телефону поёт! Дай-ка, я послушаю.

Я дал ему трубку. Он слушал, слушал, потом как бросит трубку – и бегом вниз. Я взял трубку, а там: «Пш-ш-ш! Пш-ш-ш! Др-р-р! Др-р-р!» Наверно, пластинка кончилась. Я снова сел за уроки. Опять звонок. Я взял трубку:

– Алло!

А из трубки:

– Ав! Ав! Ав!

– Ты чего, – говорю, – по-собачьи лаешь?

– Это не я. Это с тобой Дружок разговаривает. Слышишь, как он кусает трубку зубами?

– Слышу.

– Это я ему в морду тыкаю трубкой, а он её зубами грызёт.

– Ты бы лучше не портил трубку.

– Ничего, она железная... Ай! Пошёл вон! Я тебе покажу, как кусаться! Вот тебе! (Ав! Ав! Ав!) Кусается, понимаешь?

– Понимаю, – говорю.

Снова сел за уроки. Через минуту звонок. Я взял трубку, а там что-то жужжит:

«Жжу-у-у-у!»

– Алло, – кричу я.

«Жуу-у! Жжу-у!»

– Чем ты там жужжишь?

– Мухой.

– Какой мухой?

– Ну, простой мухой. Я её держу перед трубкой, а она крылышками машет и жужжит.

Целый вечер мы с Мишкой звонили друг другу и выдумывали разные фокусы: пели, кричали, рычали, мычали, даже шёпотом разговаривали – всё было слышно. Уроки я кончил поздно и думаю:

«Позвоню ещё раз Мишке, перед тем как лечь спать».

Позвонил, а он не отвечает.

«Что же это? – думаю. – Неужели телефон испортился?»

Позвонил ещё раз – опять нет ответа! Думаю:

«Надо пойти узнать, в чём дело».

Прибегаю к нему... Батюшки! Он телефон положил на стол и ломает. Батарею из аппарата вытащил, звонок разобрал и уже трубку развинчивает.

– Стой! – говорю. – Ты зачем телефон ломаешь?

– Да я не ломаю. Я только хочу посмотреть, как он устроен. Разберу, а потом соберу обратно.

– Так разве ты соберёшь? Это понимать надо.

– Ну я и понимаю. Чего тут ещё не понимать!

Он развинтил трубку, вынул из неё какие-то железки и стал отковыривать круглую пластинку, которая внутри была. Пластинка вырвалась, и из трубки посыпался чёрный порошок. Мишка испугался и стал собирать порошок обратно в трубку.

– Ну, вот видишь, – говорю, – что ты наделал!

– Ничего, – говорит, – я сейчас соберу всё, как было.

И стал собирать. Возился, возился... Винтики маленькие, завинчивать трудно. Наконец собрал трубку, только железка у него одна осталась и два винтика лишних.

– А это откуда – железка? – спрашиваю.

– Ах я разиня! – говорит Мишка. – Забыл! Её надо было там внутри привинтить. Придётся снова разбирать трубку.

– Ну, – говорю, – я пойду домой, а ты, как только будет готово, позвони мне.

Пошёл я домой и стал ждать. Ждал, ждал, так ничего не дождался и спать лёг.

Наутро телефон как зазвонит! Я вскочил не одетый, схватил трубку и кричу:

– Слушаю!

А из трубки в ответ:

– Ты чего хрюкаешь?

– Как это хрюкаю? Я не хрюкаю, – говорю я.

– Брось хрюкать! Говори по-человечески! – кричит Мишка.

– Я и говорю по-человечески. Зачем мне хрюкать?

– Ну, довольно тебе баловаться! Всё равно я не пове-
рю, что ты поросёнка в комнату притащил.

– Да говорят же тебе, что никакого поросёнка нет! –
рассердился я.

Мишка замолчал. Через минуту приходит ко мне:

– Ты чего хрюкал по телефону?

– Я не хрюкал.

– Я ведь слышал.

– Да зачем же мне хрюкать?

– Не знаю, – говорит. – Только у меня в трубке всё
«хрю-хрю» да «хрю-хрю». Вот пойдя, если не веришь, по-
слушай.

Я пошёл к нему и позвонил по телефону:

– Алло!

Сначала ничего не было слышно, а потом потихоньку
так:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Я говорю:

– Хрюкает.

А в ответ снова:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

– Хрюкает! – кричу я.

А из трубки опять:

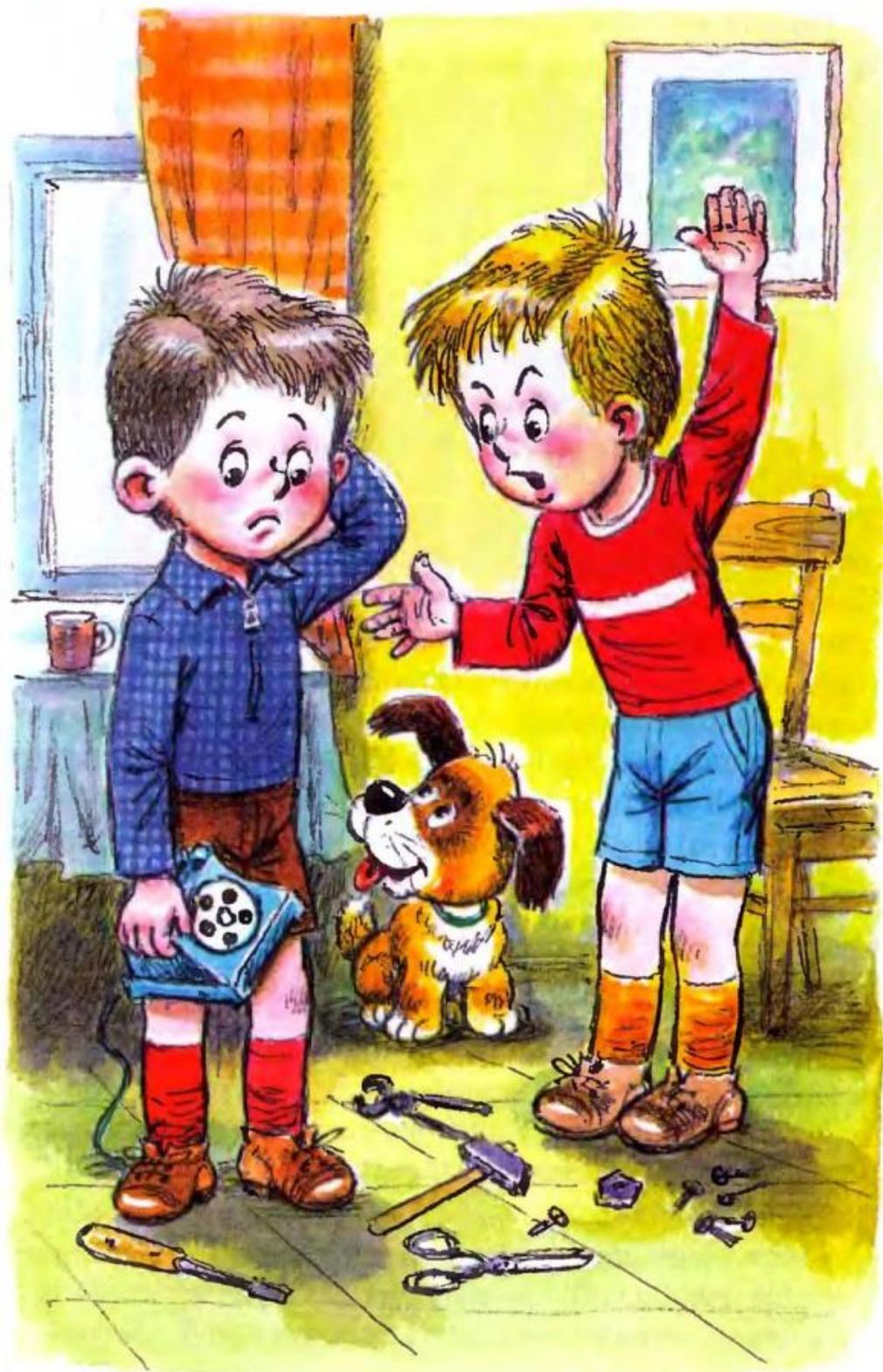
«Хрюк! Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Тут я понял, в чём дело, и побежал к Мишке.

– Это ты, – говорю, – телефон испортил!

– Почему?

– Ты разбираал его, вот и испортил у себя в трубке что-
то.

– Наверно, я что-нибудь неправильно собрал, – говорит Мишка. – Надо исправить.

– Как же теперь исправишь?

– А я посмотрю, как твой телефон устроен, и свой сделаю так же.

– Не дам я свой телефон разбирать!

– Да ты не бойся! Я осторожно. Надо же починить!

И стал чинить. Возился, возился – и починил так, что совсем ничего не стало слышно. Даже хрюкать перестало.

– Ну, что теперь делать? – спрашиваю я.

– Знаешь, – говорит Мишка, – пойдём в магазин, может быть, там починят.

Пошли мы в игрушечный магазин, но там телефонов не чинили и даже не знали, где чинят. Целый день мы ходили скучные. Вдруг Мишка придумал:

– Чудаки мы! Ведь мы можем по телеграфу переговариваться!

– Как – по телеграфу?

– Очень просто: точка, тире. Звонок-то ведь действует! Короткий звонок – точка, а длинный – тире. Выучим азбуку Морзе и будем переговариваться!

Достали мы азбуку Морзе и стали учить: «А» – точка, тире; «Б» – тире, три точки; «В» – точка, два тире... Выучили всю азбуку и стали переговариваться. Сначала у нас получалось медленно, а потом мы научились, как настоящие телеграфисты: «трень-трень-трень!» – и всё понятно. Это даже интереснее было, чем простой телефон. Только это продолжалось недолго. Один раз звоню Мишке утром, а он не отвечает. «Ну, – думаю, – спит ещё». Позвонил позже – опять не отвечает. Пошёл к нему и стучу в дверь. Мишка открыл и говорит:

– Ты чего в дверь барабанишь? Не видишь, что ли? – И показывает на двери кнопку.

– Что это? – спрашиваю.

– Кнопка.

– Какая?

– Электрическая. У нас теперь электрический звонок есть, так что можешь звонить.

– Где ты взял?

– Сам сделал.

– Из чего?

– Из телефона.

– Как – из телефона?

– Очень просто. Звонок из телефона выдрал, кнопку – тоже. И батарею из телефона вынул. Была игрушка – стала вещь!

– Какое же ты имел право телефон разбирать? – говорю я.

– Какое право! Я свой телефон разобрал. Твоего ведь не трогал.

– Так телефон-то наш общий! Если бы я знал, что ты станешь ломать, то и не стал бы с тобой покупать! Зачем мне телефон, если разговаривать не с кем!

– А зачем нам разговаривать? Небось недалеко живём, можно и так прийти поговорить.

– Я с тобой и разговаривать после этого не хочу!

Рассердился я на него и три дня с ним не разговаривал.

От скуки и я свой телефон разобрал и сделал из него электрический звонок. Только не так, как у Мишки. Я всё аккуратно устроил. Батареею поставил возле двери на полочке, от неё по стене провода протянул к электрическому звонку и кнопке. А кнопку к двери хорошенько винтиками привинтил, чтоб она не болталась на одном гвозде, как у Мишки. Даже папа и мама похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.

Я пошёл к Мишке, чтобы рассказать ему, что у меня теперь тоже электрический звонок есть.

Подхожу к двери, звоню... Нажимал кнопку, нажимал – никто не открывает. «Может быть, звонок испортился?» – думаю. Стал в дверь стучать. Мишка открыл. Я спрашиваю:

– Что же звонок, не действует?

– Не действует.

– Почему?

– Да я батареею разобрал.

– Зачем?

– Ну, я хотел посмотреть, из чего батарея сделана.

– Как же, – говорю, – ты теперь будешь – без телефона и без звонка?

– Ничего, – вздохнул он, – как-нибудь буду!

Пошёл я домой, а сам думаю: «Почему Мишка такой нескладный? Зачем он всё ломает?!» Мне даже жалко стало его.

Вечером я лёг спать и долго не мог заснуть, всё вспоминал: как у нас был телефон и как из него получился электрический звонок. Потом я стал думать об электричестве, как оно получается в батарее и из чего. Все давно уже спали, а я всё думал про это и никак не мог заснуть. Тогда я встал, зажёл лампу, снял с полки батарею и разломал её. В батарее оказалась какая-то жидкость, в которой мокла чёрная палка, завёрнутая в тряпочку. Я понял, что электричество получалось из этой жидкости. Потом лёг в постель и быстро заснул.

ТУК-ТУК-ТУК

Мы втроём – я, Мишка и Костя – приехали в пионерлагерь на день раньше всего отряда. У нас было задание: украсить помещение к приезду ребят. Мы сами просили нашего вожатого Витю отправить нас вперёд. Нам очень хотелось поскорей в лагерь.

Витя согласился и сам поехал с нами. Когда мы приехали, в доме уже заканчивалась уборка. Мы развесили на стенах плакаты, картины, которые привезли с собой, потом нарезали из разноцветной бумаги флажков, нанизали их на верёвочки и повесили под потолком. Потом нарвали в поле цветов, наделали из них букетов и расставили на окнах в банках с водой. Хорошо получилось!

Вечером вожатый Витя уехал обратно в город. Марья Максимовна, лагерный сторож, которая жила рядом в маленьком домике, сказала, чтобы мы шли ночевать к ней, но мы не захотели. Мишка сказал, что мы ничего не боимся и будем ночевать одни в доме.

Марья Максимовна ушла, а мы поставили во дворе самовар, сели на крылечке и отдыхали. Хорошо было в лаге-

ре! Возле самого дома росли высокие рябины, а вдоль забора – огромные старые липы. На них множество круглых вороньих гнёзд.

Вороны кружились над липами и громко кричали. В воздухе гудели майские жуки. Они носились в разные стороны, налетали на стены дома и шлёпались на землю. Мишка подбирал их и складывал в коробочку.

А потом солнышко скрылось за лесом, и облака на небе вспыхнули красным пламенем. Так красиво стало! Если бы у меня были краски, я бы тут же нарисовал картину: вверху красные облака, а внизу наш самовар. А от самовара поднимается дым прямо к облакам, как из паровой трубы.

Потом облака потухли и стали серые, как будто горы. Всё переменялось вокруг. Нам даже стало казаться, что мы попали каким-то чудом в другие края.

Самовар вскипел. Мы перенесли его в комнату, зажгли лампу и сели пить чай. В окно налетели ночные бабочки; они кружились вокруг лампы, будто плясали. Всё было как-то необыкновенно. Тихо так, только самовар на столе шумит. Мы сидим и чай пьём, сами себе хозяева.

После чая Мишка запер на крючок дверь и ещё верёвкой за ручку привязал.

– Чтоб не забрались разбойники, – говорит.

– Не бойся, – говорим мы, – никто не заберётся.

– Я не боюсь. Так, на всякий случай. И ставни надо закрыть.

Мы посмеялись над ним, но ставни всё-таки закрыли, на всякий случай, и стали укладываться спать. Сдвинули три кровати вместе, чтоб удобнее было разговаривать.

Мишка стал просить пустить его в середину. Костя говорит:

– Ты, видно, хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до тебя добрались. Ну ладно, ложись.

Пустили его в середину. Но он всё равно, должно быть, боялся: взял в кухне топор и сунул его себе под подушку. Мы с Костей чуть со смеху не лопнули.

– Ты только нас не заруби по ошибке, – говорим. – А то примешь нас за разбойников и тяпнешь по голове топором.

– Не бойтесь, – говорит Мишка, – не тяпну!

Потушили мы лампу и стали в темноте рассказывать друг другу сказки. Сначала рассказал Мишка, потом я, а когда очередь дошла до Кости, он начал какую-то длинную страшную сказку про колдунов, про ведьм, про чертей и про Кощея Бессмертного. Мишка от страха закутался с головой в одеяло и стал просить Костю не рассказывать больше эту сказку. А Костя, чтоб попугать Мишку, принялся ещё кулаками по стене стучать и говорить, что это черти стучат. Мне самому сделалось страшно, и я сказал Косте, чтоб он перестал.

Наконец Костя унялся. Мишка успокоился и уснул. Стало тихо. Мы с Костей почему-то долго не могли уснуть. Лежим, прислушиваемся, как Мишкины жуки в коробке шуршат.

– Темно, как в погребе! – сказал Костя.

– Это потому что ставни закрыты, – говорю я.

– А всё-таки мы храбрые! Не боимся одни ночевать! – говорит Костя.

Скоро чуточку посветлело. Стали видны щели в ставнях.

– Наверно, уже рассвет, – говорит Костя. – Теперь ночи совсем короткие.

– А может быть, луна взошла?

Наконец я задремал. Вдруг слышу сквозь сон:

Тук-тук-тук!

Я проснулся. Мишка и Костя спят. Я разбудил Костю.

– Кто-то стучит, – говорю.

– Кто же может стучать?

– А вот послушай.

Прислушались мы. Тихо. Потом снова:

Тук-тук-тук!

– В дверь стучат, – говорит Костя. – Кто же это?

Подождали мы. Не стучат больше.

«Может быть, показалось», – думаем.

Вдруг опять:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

– Тише, – шепчет Костя, – не надо отзываться. Может быть, постучит и уйдёт.

Подождали. Вдруг снова:

Тук-тук-тук! Тра-та-та-та!

– Ах, чтоб тебя разорвало! Не уходит! – говорит Костя.

– Может быть, это из города кто-нибудь приехал? – говорю я.

– Зачем же в такую поздноту ездить? Подождём. Если постучат ещё, спросим.

Ждём. Никого нет.

– Наверно, ушёл, – говорит Костя.

Только мы было успокоились, вдруг снова:

Тра-та-та-та!

Я подскочил в постели от неожиданности.

– Пойдём, – говорю, – спросим.

– Пойдём.

Подкрались мы к двери.

– Кто там? – спрашивает Костя.

Тихо. Никто не отвечает.

– Кто там?

Молчит.

– Кто там?

Никакого ответа.

– Наверно, ушёл, – говорю я.

Пошли мы обратно. Только отошли от двери:

Тук-тук-тук! Трах-та-тах!

Бросились снова к дверям:

– Кто там?

Молчит.

– Что он, глухой, что ли? – говорит Костя.

Стоим мы, прислушиваемся. За дверью будто об стенку кто-то трётся.

– Кто там?

Ничего не отвечает.

Отошли мы от двери. Вдруг снова:

Тук-тук-тук!

Забрались мы на кровать и дышать боимся. Сидели, сидели – не стучит больше. Легли. Думаем, не будет больше стучать.

Тихо. Вдруг слышим – шуршит по крыше. И вдруг по железу:

Бух-бух-бух! Трах!

– На крышу забрался! – прошептал Костя.

Вдруг с другой стороны:

Бум-бум-бум! Бах!

– Да тут не один, а двое! – говорю я. – Что ж это они, крышу разобрать хотят?

Вскочили мы с кроватей, закрыли дверь в соседнюю комнату, откуда был ход на чердак. К двери стол придвинули и ещё другим столом и кроватью подпёрли. А на крыше всё стучат: то один, то другой, то вместе разом. И ещё третий к ним прибавился. И ещё кто-то снова в дверь колотить начал.

– Может быть, это кто-нибудь нарочно, чтоб напугать нас, – говорю я.

– Выйти, – говорит Костя, – да наkostenять им по шее, чтоб не мешали спать!

– Ещё нам, – говорю, – наkostenяют. Вдруг их там человек двадцать!

– А может, это и не люди!

– А кто же?

– Черти какие-нибудь.

– Брось, – говорю, – сказки рассказывать! И без сказок страшно!

А Мишка спит и ничего не слышит. Ему хоть бы что!

– Может быть, разбудить его? – спрашиваю.

– Не надо. Пусть пока спит, – говорит Костя. – Знаешь, какой он трус. До смерти перепугается.

Устали мы, прямо с ног валимся. Спать хочется! Костя забрался в постель и говорит:

– Надоела мне вся эта музыка! Пусть там себе хоть головы расшибут на крыше. Очень мне нужно обращать внимание.

Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его рядом с собой в кровать и тоже прилёг отдохнуть. Стук на крыше становился всё чаще и тише. Мне стало казаться, что это дождь по крыше стучит, и я не заметил, как снова уснул.

Утром просыпаемся от страшного стука. Во дворе шум и крик.

Я схватил топор, подбежал к двери.

– Кто там? – спрашиваю.

И вдруг слышу голос Вити, водителя:

– Откройте, ребята! Что там с вами случилось? Полчаса достучаться не можем.

Я открыл дверь. Все ребята гурьбой ввалились в комнату. Витя увидел топор.

– Зачем топор? – спрашивает. – И что у вас за разгром такой?

Мы с Костей стали рассказывать, что здесь ночью случилось. Но никто нам не верил, все смеялись над нами и говорили, что это нам с перепугу показалось. Мы с Костей чуть не плакали от обиды. Вдруг сверху послышался стук.

– Тише! – закричал Костя и поднял палец кверху.

Ребята умолкли и стали прислушиваться.

Тук-тук-тук! – стучало что-то по крыше.

Ребята застыли от удивления. Мы с Костей открыли дверь и потихоньку вышли во двор. Все пошли за нами. Мы отошли от дома в сторону и взглянули на крышу. Там сидела обыкновенная ворона и что-то клевала.

Тук-тук-тук! Бух-бух! – стучала она по железу клювом. Ребята увидели ворону и расхохотались так громко, что ворона захлопала крыльями и улетела. Ребята сейчас же притащили лестницу; несколько человек забралось на крышу посмотреть, что там клевала ворона.

– Здесь прошлогодние ягоды рябины лежат. Наверно, вороны клюют их и стучат по крыше! – закричали ребята.

– Откуда же здесь ягоды рябины берутся? – говорим мы.

– Да тут ведь вокруг рябины растут. Вот ягоды прямо на крышу и падают.

– Постойте, а в дверь-то кто стучал? – говорю я.

– Да, – говорит Костя, – зачем это воронам понадобилось в дверь стучать? Вы ещё скажете, что вороны нарочно в дверь стучали, чтоб мы их переночевать пустили.

На это никто не мог ничего ответить. Все побежали на крыльцо и стали осматривать дверь. Витя поднял с крыльца ягоду и сказал:

– Они и не стучали в дверь. Они клевали на крыльце ягоды, а вам показалось, что стучат в дверь.

Мы посмотрели: на крыльце валялось несколько ягод рябины.

– Храбрецы! – смеялись над нами ребята. – Втроём испугались вороны!

– И совсем не втроём, а вдвоём, – говорю я, – Мишка спал как убитый и ничего не слышал.

– Молодец, Мишка! – закричали ребята. – Значит, ты один не боялся вороны?

– Я ничего не боялся, – ответил Мишка. – Я спал и ничего не знаю.

С тех пор все считают Мишку храбрецом, а нас с Костей трусами.

МИШКИНА КАША

Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

– Это очень хорошо, что ты приехал, – сказала она. – Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

– Конечно, проживём, – говорю я. – Мы не маленькие!

– Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?

– Сумеем, – говорит Мишка. – Чего там не суместь!

– Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.

– Сварим и кашу. Чего там её варить! – говорит Мишка.

Я говорю:

– Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варил раньше.

– Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. «Зачем, – думаю, – раз Мишка знает».

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопили червей.

– Постой, – говорю я. – А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

– Чего там варить! – говорит Мишка. – Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десяток пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

– Ну, Мишка, – говорю, – ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрей. Есть очень хочется.

– Давай кашу, – говорит Мишка. – Кашу проще всего.

– Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

– Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

– Не много ли воды? – спрашиваю. – Размазня получится.

– Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась и из-под неё каша лезет.

– Мишка, – говорю, – что это? Почему каша лезет?

– Куда?

– Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу.

– Не знаю, – говорит Мишка, – с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

– Мишка, – говорю, – куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!

– Не знаю, – говорит. – Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

– Наверно, испарилась, – говорит Мишка. – Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили – смотрим, опять каша наружу лезет.

– Ах, чтоб тебя! – говорит Мишка. – Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

– Вот видишь, – говорит, – ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша.

Я говорю:

– Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.

– Да, – говорит Мишка, – кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: «Клади, говорит, побольше. Есть хочется!»

– А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умешь варить.

– Ну и сварю, не мешай только.

– Пожалуйста, не буду тебе мешать.

Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и всё время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

– Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!

– А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.

– Так то, – говорю, – в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.

– А нам-то куда спешить?

– Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.

– Успеешь, – говорит, – выспаться.

И снова бух в кастрюлю кружку воды. Тут я понял, в чём дело.

– Ты, – говорю, – всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться!

– А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?

– Выложить, – говорю, – половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

– Наливай, – говорю, – теперь воды доверху.

Мишка взял кружку, полез в ведро.

– Нету, – говорит, – воды. Вся вышла.

– Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! – говорю. – И колодца не увидишь.

– Чепуха! Сейчас принесу.

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

– А вода где? – спрашиваю.

– Вода... там, в колодце.

– Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?

– И ведро, – говорит, – в колодце.

– Как – в колодце?

– Так, в колодце.

– Упустил?

– Упустил.

– Ах ты, – говорю, – размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

– Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

– Давай верёвку.

– А её нет, верёвки.

– Где же она?

– Там.

– Где – там?

– Ну... в колодце.

– Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?

– Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

– Ничего, – говорит Мишка, – сейчас пойду попрошу у соседей.

– С ума, – говорю, – сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы!

Мишка говорит:

– Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю:

– Ты не рассуждай, а ищи верёвку.

– Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.

– А леска выдержит?

– Может быть, выдержит.

– А если не выдержит?

– Ну, если не выдержит, то... оборвётся...

– Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодецу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

– Не выдержит! – говорю. – Я чувствую.

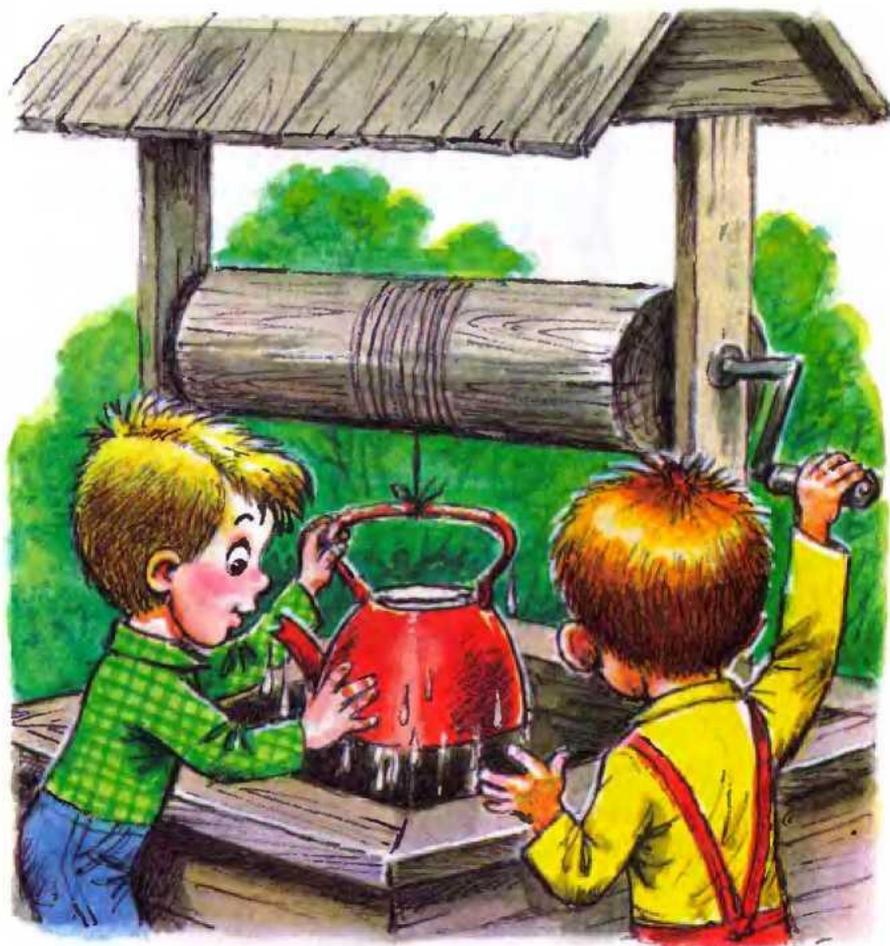
– Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, – говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх – и нет чайника.

– Не выдержала? – спрашивает Мишка.

– Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?

– Самоваром, – говорит Мишка.

– Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо. Верёвки-то нет.

– Ну, кастрюлей.

– Что у нас, – говорю, – по-твоему, кастрюльный магазин?

– Тогда стаканом.

– Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды наносишь!

– Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.

– Давай, – говорю, – кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

– Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

– Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не столкнул в колодец.

– Ах ты растяпа! – говорю. – Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть. «Пых, пых!»

– О! – говорит Мишка. – Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:

– Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.

Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.

– Нет, – говорит, – умирать буду, а такую кашу не стану есть!

– Такой каши наешься, и умереть можно! – говорю я.

– Что ж делать?

– Не знаю.

– Чудаки мы! – говорит Мишка. – У нас же пескарки есть!

Я говорю:

– Некогда теперь уже с пескарками возиться! Скоро светать начнёт.

– Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро – раз, и готово.

– Ну давай, – говорю, – если быстро. А если будет как каша, то лучше не надо.

– В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарки и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескарки и прилипли к ней. Мишка стал отдиравать пескарки от сковородки ножом, все бока ободрал им.

– Умник! – говорю. – Кто же рыбу без масла жарит!

Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки – масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарки одни угольки остались.

– Ну, – говорит Мишка, – что теперь жарить будем?

– Нет, – говорю я, – больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, такты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!

– Что же делать? Есть-то ведь хочется!

Попробовали мы сырую крупу жевать – противно.

Попробовали сырой лук – горько. Масло попробовали без хлеба есть – тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылизали и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

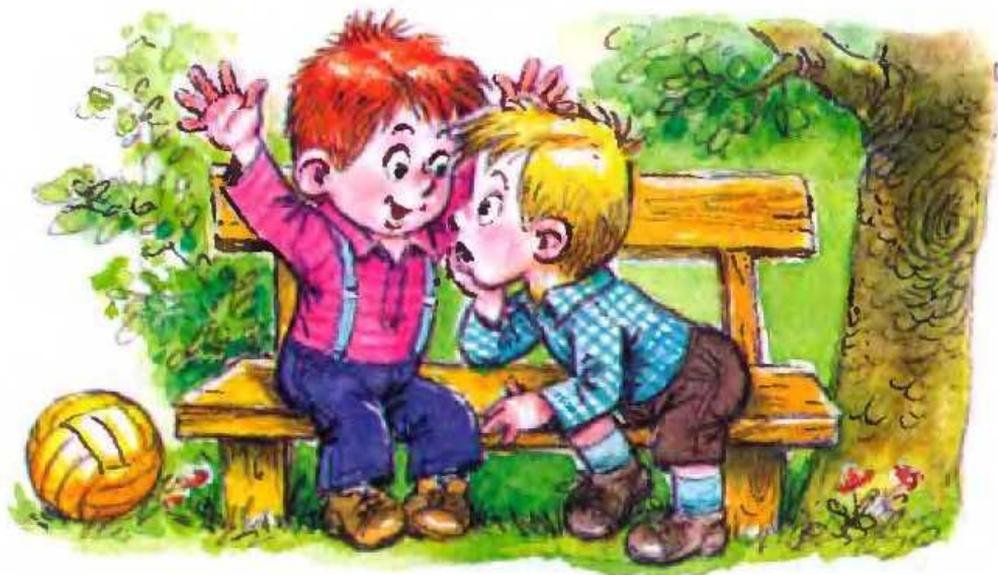
– Не смей! – говорю. – Сейчас я пойду к хозяйке, тётё Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

Мы пошли к тётё Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выполем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так что тётя Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тётя Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал подкову к верёвке привязать, так бы ничего и не достали. А подковой, как крючком, подцепили и ведро, и чайник. Ничего не пропало – всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:

– Сорняки – это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

ФАНТАЗЕРЫ

Мишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Мишутка.

– Девяносто пять. А тебе?

– А мне сто сорок. Знаешь, – говорит Мишутка, – раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

– А я, – говорит Стасик, – сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

– А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, – говорит Мишутка.

– У! А я море мог переплыть!

– Подумаешь – море! Я океан переплывал!

– А я раньше летать умел!

– А ну, полети!

– Сейчас не могу: разучился.

– А я один раз купался в море,
– говорит Мишутка, – и на меня
напала акула. Я ее бац кулаком, а
она меня цап за голову – и отку-
сила.

– Врёшь!

– Нет, правда!

– Почему же ты не умер?

– А зачем мне умирать? Я вы-
плыл на берег и пошёл домой.

– Без головы?

– Конечно, без головы. Зачем
мне голова?

– Как же ты шёл без головы?

– Так и шел. Будто без головы
ходить нельзя!

– Почему же ты теперь с
головой?

– Другая выросла.

«Ловко придумал!» – позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.

– Ну, это что! – сказал он. – Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел!

– Вот так соврал! – рассмеялся Мишутка.

– Вовсе нет.

– Почему же ты теперь живой?

– Так он же меня потом выплюнул.

Мишутка задумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:

– Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...

– Знаю, знаю! – закричал Стасик. – Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.

– Ничего подобного. Я не про это.

– Ну ладно. Ври дальше.

– Вот я иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой – рраз! – и раздавил в лепёшку.

– Ха-ха-ха! Вот это враки!

– А вот и не враки!

– Как же ты мог раздавить автобус?

– Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на верёвочке тащил.

– Ну, это не удивительно, – сказал Стасик. – А я раз на Луну летал.

– Эва, куда махнул! – засмеялся Мишутка.

– Не веришь? Честное слово!

– На чём же ты летал?

– На ракете. На чём ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

– Что же ты там, на Луне, видел?

– Ну, что... – замялся Стасик. – Что я там видел? Ничего и не видел.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Мишутка. – А говорит, на Луну летал!

– Конечно, летал.

– Почему же ничего не видел?

– А темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летел, летел, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

– А-а, – протянул Мишутка. – Так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты – во сне.

Тут пришёл соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

– Вот врут-то! И вам не стыдно?

– А чего стыдно? Мы же никого не обманываем, – сказал Стасик. – Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

– Сказки! – презрительно фыркнул Игорь. – Нашли занятие.

– А ты думаешь, легко выдумывать?

– Чего проще!

– Ну выдумай что-нибудь.

– Сейчас... – сказал Игорь. – Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

– Сейчас, – повторил Игорь. – Э-э-э... гм... кхм... э-э-э...

– Ну, что ты всё «э» да «э»!

– Сейчас! Дайте подумать.

– Ну, думай, думай!

– Э-э-э, – снова сказал Игорь и посмотрел на небо. – Сейчас, сейчас... э-э-э...

– Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил – чего проще!

– Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

– Ну и что же ты тут выдумал? – спросил Стасик.

– Ничего. Как было, так и рассказал.

– А говорил – выдумывать мастер!

– Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врёте, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

– Какая польза?

– А вот. Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама ещё варенья дала. Вот и польза.

– Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! – сказал Мишутка.

– А тебе что?

– Мне ничего. А вот ты этот... как это называется... Брехун! Вот!

– Сами вы брехуны!

– Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

– Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушёл. Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По дороге им попалась палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

Продавщица дала им мороженое на палочке.

– Пойдём домой, – говорит Мишутка, – разрежем ножом, чтоб было точно.

– Пойдём.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у неё были заплаканные.

– Ты чего ревела? – спрашивает Мишутка.

– Меня мама гулять не пускала.

– За что?

– За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

– Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не

плачь. Пойдём, я тебе свою полпорцию мороженого дам, – сказал Мишутка.

– И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам, – пообещал Стасик.

– А вы разве не хотите сами?

– Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня, – сказал Стасик.

– Давайте лучше это мороженое на троих разделим, – предложила Ира.

– Правильно! – сказал Стасик. – А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

– Вкусная штука! – сказал Мишутка. – Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

– Ну, ты выдумываешь всё! – засмеялась Ира. – Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

– Так оно ведь совсем маленькое было, вёдрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комодѐ, котѐнок Васька сидѐл на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидѐли за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось – упало на пол. Они обернулись и увидѐли на полу возле комода шляпу.

Вовка подошѐл к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу – и вдруг как закричит:

– Ай-ай-ай! – и бегом в сторону.

– Чего ты? – спрашивает Вадик.

– Она жи-жи-живая!

– Кто живая?

– Шля-шля-шля-па.

– Что ты! Разве шляпы бываѐют живые?

– По-посмотри сам!

Вадик подошѐл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

– Ай! – и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась.

Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

– Ай! Ой! – закричали ребята.

Соскочили с дивана – и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

– Я у-у-хо-хо-жу! – говорит Вовка.

– Куда?

– Пойду к себе домой.

– Почему?

– Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

– А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

– Ну, походи посмотри.

– Пойдём вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я её кочергой тресну.

– Постой, я тоже кочергу возьму.

– Да у нас другой кочерги нет.

– Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

– Где же она? – спрашивает Вадик.

– Вон там, возле стола.

– Сейчас я её как тресну кочергой! – говорит Вадик. – Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

– Ага, испугалась! – обрадовались ребята. – Боится лезть к нам.

– Сейчас я её спугну, – сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

– Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

– Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, – предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

– Мяу! – закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

– Васька! – обрадовались ребята.

– Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, – догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

– Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

САША

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

– Зачем тебе такой пистолет? – говорила мама. – Это опасная игрушка.

– Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

– Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

– Не попадёт! Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

– Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, – сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры – Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

– Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

– Ты, Сашка, хитренький! – сказала Марина. – Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

– Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

– Ладно, – сказала Ира. – Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

– Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с патронами. Пистолет был новенький и блестящий, а патронов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день – не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

– Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло патронами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

– Довольно тебе стрелять, – сказала наконец Ира. – Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

– Трусиха! – ответил Сашка. – Все девчонки – трусихи!

– Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи, – сказала Марина.

– Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом, – заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе – и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

– Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

– Нет, – сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

– Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё

врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

– Вот так штука! – испугался Саша. – Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

– Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? – спросила Ира.

– Это я так, просто.

– Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

– Да ничего я не натворил – просто так... Напугал бабушку какую-то.

– Какую бабушку?

– Ну «какую, какую»! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил.

– Зачем же ты выстрелил?

– Сам не знаю. Идёт бабушка. «Дай, думаю, выстрелю». Ну и выстрелил.

– А она что?

– Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

– Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

– Я же не виноват, что бабушка попалась такая пугливая.

– Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабушку! – пригрозила Ира. – Будешь знать, как людей пугать!

– А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

– Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша присидел дома и всё выглядывал в окно – не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

– Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с пистонами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами, и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

– Не успел даже поиграть! – хныкал он. – Такой пистолетик был!

– Может быть, ты его во дворе потерял? – спросила Ира.

– Наверно, я его там, за воротами, выронил, – сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» – с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулочка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Сашиному дому.

«За мной идёт! Видно, бабка таки пожаловалась!» – испугался Саша и стремглав побежал домой.

– Ну, нашёл? – спросили его Маринка и Ирочка.

– Тише! – прошипел Сашка. – Милиционер идёт!

– Куда?

– Сюда, к нам.

– Где ты его видел?

– На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

– Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

– Да я вовсе и не боюсь его! – стал храбриться Сашка. – Что мне милиционер! Подумаешь!

Тут за дверью послышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:

– Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустился на четвереньки и полез под диван.

– Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? – слышался голос милиционера.

– Это не здесь, – ответила Ира. – Здесь первая, а шестая – это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

– Во дворе, дверь направо? – повторил милиционер.

– Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

– Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

– У нас, – ответила Ира.

– А вот он-то мне как раз нужен, – сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марина даже заглянула под диван. Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

– Ну, где же ваш Саша? – спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать. Наконец Марина сказала:

– А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

– А что вы про него знаете? – спросила милиционера Ира.

– Что же я знаю! – ответил милиционер. – Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

«Всё знает!» – подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: «Апчхи!»

– Кто это там? – удивился милиционер.

– А это у нас... Это у нас собака, – соврала Маринка.

– Чего же она под диван забралась?

– А она у нас всегда под диваном спит, – продолжала сочинять Марина.

– Как же её зовут?

– Э... Бобик, – выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

– Бобик! Бобик! Фью! – засвистел милиционер. – Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

– Э... – протянула Маринка. – Э-э... – Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак. – Порода эта вот... – сказала она. – Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

– О, это замечательная собака! – обрадовался милиционер. – Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

– Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

– Не вылезу! – заревел Саша.

– Почему?

– Вы меня в милицию заберёте.

– За что?

– За старушку.

– За какую старушку?

– За которую я выстрелил, а она испугалась.

– Не пойму, про какую он тут старушку толкует? – сказал милиционер.

– Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась, – объяснила Ира.

– Ах, вот что! Значит, это его пистолет? – спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

– Его, его! – обрадовалась Ира. – Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

– Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? – спросил милиционер и нагнулся к Саше.

– Я нечаянно... – ответил Саша из-под дивана.

– Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду – отдам пистолет обратно.

– А что мне будет, если я скажу правду?

– Ничего не будет. Отдам пистолет – и всё.

– А в милицию не заберёте?

– Нет.

– Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

– А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не забирать – значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь – обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолет.

– Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

– Вот чудной какой! – усмехнулся милиционер. – Ну, я ухожу.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

– Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! – Он схватил пистолет и сказал: – Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

– Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, – сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

– Ах ты чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

– А я и не буду больше ничего творить, – сказал Саша. – Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

ТРИ ОХОТНИКА

Жили-были три весёлых охотника: дядя Ваня, дядя Федя да дядя Кузьма. Вот пошли они в лес. Ходили, ходили, много разных зверушек видели, но никого не убили. И решили устроить привал: отдохнуть, значит. Уселись на зелёной лужайке и стали рассказывать друг другу разные интересные случаи. Первым рассказал охотник дядя Ваня.

– Вот послушайте, – сказал он. – Давно это было. Пошёл я как-то зимою в лес, а ружья у меня в ту пору не было: я тогда маленький был. Вдруг смотрю – волк. Огромный такой. Я от него бежать. А волк-то, видать, заметил, что я без ружья. Как побежит за мной!

«Ну, – думаю, – не удрать от него мне».

Смотрю – дерево. Я на дерево. Волк хотел цапнуть меня, да не успел. Только штаны сзади зубами порвал. Залез я на дерево, сижу на ветке и трясусь от страха. А волк сидит внизу на снегу, поглядывает на меня и облизывается.

Я думаю: «Ладно, посижу здесь до вечера. Ночью волчишка заснёт, я от него удеру».

К вечеру, однако, ещё один волк пришёл. И стали они меня вдвоём караулить. Один волк спит, а другой стережёт, чтоб я не сбежал. Немного погодя пришёл третий волк. Потом ещё и ещё. И собралась под деревом целая волчья стая. Сидят все да зубами щёлкают на меня. Ждут, когда я свалюсь к ним сверху.

Под утро мороз ударил. Градусов сорок. Руки-ноги у меня заоченели. Я не удержался на ветке. Бух вниз! Вся волчья стая как набросится на меня! Что-то как затрещит!

«Ну, – думаю, – это кости мои трещат».

А оказывается, это снег подо мной провалился. Я как полечу вниз и очутился в берлоге. Внизу, оказывается, медвежья берлога была. Медведь проснулся, выскочил от испуга наружу, увидел волков и давай их драть. В одну минуту разогнал всех волчишек.

Я осмелел, потихоньку выглянул из берлоги. Смотрю: нет волков – и давай бежать. Прибежал домой, еле отдышался. Ну, моя маменька дырку на штанах зашила, так что совсем незаметно стало. А папенька, как узнал про этот случай, так сейчас же купил мне ружьё, чтоб я не смел без ружья по лесу шататься. Вот и стал я с тех пор охотник.

Дядя Федя и дядя Кузьма посмеялись над тем, как дядя Ваня напугался волков. А потом дядя Федя и говорит:

– Я раз тоже в лесу напугался медведя. Только это летом было. Пошёл я однажды в лес, а ружьё дома забыл. Вдруг навстречу медведь. Я от него бежать.

А он за мной. Я бегу быстро, ну а медведь ещё быстрее. Слышу, уже сопит за моей спиной. Я обернулся, снял с головы шапку и бросил ему. Медведь на минутку остановился, обнюхал шапку и опять за мной. Чувствую – опять настигает. А до дому ещё далеко. Снял я на ходу куртку и бросил медведю.

Думаю: хоть на минуточку задержу его.

Ну, медведь разодрал куртку, видит – ничего в ней съедобного. Снова за мной. Пришлось мне бросить ему и

брюки, и сапоги. Ничего не поделаешь: от зверя-то надо спасаться!

Выбежал я из леса в одной майке и трусиках. Тут впереди речка и мостик через неё. Не успел я перебежать через мостик – как затрещит что-то! Оглянулся я, а это мостик под медведем рухнул. Медведь бултых в речку!

«Ну, – думаю, – так тебе и надо, бродяга, чтоб не пугал людей зря».

Только под мостиком было неглубоко. Медведь вылез на берег, отряхнулся как следует и в лес обратно ушёл.

А я говорю сам себе:

«Молодец, дядя Федя! Ловко медведя провёл! Только как мне теперь домой идти? На улице люди увидят, что я чуть ли не гольшом, и на смех поднимут».

И решил: посижу здесь в кусточках, а стемнеет, пойду потихоньку. Спрятался я в кустах и сидел там до вечера, а потом вылез и стал пробираться по улицам. Как только увижу, что кто-нибудь идёт навстречу, сейчас же шмыгну куда-нибудь за угол и сижу там в потёмках, чтоб на глаза не попадаться.

Наконец добрался до дома. Хотел дверь открыть, хватъ-похватъ, а ключа у меня и нет! Ключ-то у меня в

кармане лежал, в куртке. А куртку-то я медведю бросил. Надо бы мне сначала ключ из кармана вынуть, да не до того было.

Что делать? Попробовал дверь выломать, да дверь оказалась крепкая.

«Ну, – думаю, – не замерзать же ночью на улице».

Высадил потихоньку стекло и полез в окошко.

Вдруг кто-то меня за ноги хватать! И орёт во всё горло:

«Держите его! Держите!»

Сразу людей набежало откуда-то.

Одни кричат:

«Держите его! Он в чужое окошко лез!»

Другие вопят:

«В милицию его надо! В милицию!»

Я говорю:

«Братцы, за что же меня в милицию? Я ведь в свой дом лез».

А тот, который схватил меня, говорит:

«Вы его не слушайте, братцы. Я за ним давно слежу. Он всё время по тёмным углам прятался. И дверь хотел выломать, а потом в окно полез».

Тут милиционер прибежал. Все ему стали рассказывать, что случилось.

Милиционер говорит:

«Ваши документы!»

«А какие у меня, – говорю, – документы? Их медведь съел».

«Вы бросьте шутить! Как это медведь съел?»

Я хотел рассказать, а никто и слушать не хочет.

Тут на шум соседка тётя Даша из своего дома вышла. Увидала меня и говорит:

«Отпустите его. Это же наш сосед, дядя Федя. Он на самом деле в этом доме живёт».

Милиционер поверил и отпустил меня.

А на другой день купил я себе новый костюм, шапку и

сапоги. И стал я с тех пор жить да поживать, да в новом костюме щеголять.

Дядя Ваня и дядя Кузьма посмеялись над тем, что произошло с дядей Федей. Потом дядя Кузьма сказал:

– Я тоже однажды медведя встретил. Это было зимой. Пошёл я в лес. Гляжу – медведь. Я бах из ружья. А медведь брык на землю. Я положил его на санки и повёз домой. Тащу его по деревне на санках. Тяжело. Спасибо, деревенские ребяташки помогли мне его довести до дому.

Привёз я медведя домой и оставил посреди двора. Сынишка мой Игорёк увидел и от удивления рот разинул.

А жена говорит:

«Вот хорошо! Сдерёшь с медведя шкуру, и сошьём тебе шубу».

Потом жена и сынишка пошли пить чай. Я уже хотел начать сдирать шкуру, а тут, откуда ни возьмись, прибежал пёс Фоксик да как цапнет медведя зубами за ухо! Медведь как вскочит, как рывкнет на Фоксика! Оказалось, что он не был убит, а только обмер от испуга, когда я выстрелил.

Фоксик испугался и бегом в конуру. А медведь как бросится на меня! Я от него бежать. Увидел у курятника лестницу и полез вверх. Взобрался на крышу. Гляжу, а медведь вслед за мной полез. Взгромоздился он тоже на крышу. А крыша не выдержала. Как рухнет! Мы с медведем полетели в курятник. Куры перепугались. Как закудахчут, как полетят в стороны!

Я выскочил из курятника. Поскорей к дому. Медведь за мной. Я в комнату. И медведь в комнату. Я зацепился ногой за стол, повалил его. Вся посуда посыпалась на пол. И самовар полетел. Игорёк от страха под диван спрятался.

Вижу я – бежать дальше некуда. Упал на кровать и глаза с перепугу зажмурил. А медведь подбежал, как тряхнёт меня лапой, как зарычит:

«Вставай скорее! Вставай!»

Я открыл глаза, смотрю, а это жена меня будит.

– Вставай, – говорит, – уже утро давно. Ты ведь соби-
рался идти на охоту.

Встал я и пошёл на охоту, но медведя в тот день не ви-
дал больше. И стал я с тех пор жить да поживать, да щи
хлебать, да хлеб жевать, да в новом костюме щеголять, во!

Дядя Ваня и дядя Федя посмеялись над этим рассказом.
И дядя Кузьма посмеялся с ними.

А потом все трое пошли домой. Дядя Ваня сказал:

– Хорошо поохотились, правда? И зверушки ни одной
не убили, и весело время провели.

– А я и не люблю убивать зверушек, – ответил дядя
Федя. – Пусть зайчики, белочки, ёжики и лисички мирно в
лесу живут. Не надо их трогать.

– И птички разные пусть тоже живут, – сказал дядя
Кузьма. – Без зверушек и пичужек в лесу было бы скучно.
Никого убивать не надо. Животных надо любить.

Вот какие были три весёлых охотника.

БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг – кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу. Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! – думал Барбоска. – Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо – убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

– Эй, Бобик, куда бежишь?

– Никуда, – говорит Бобик. – Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

– Мне нельзя, – ответил Барбос, – дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

– А никто не прогонит?

– Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

– Тебе хорошо! – сказал он Барбосу. – Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

– Да, – ответил Барбос, – у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

– А меня даже в коридор хозяева не пускают! – пожаловался Бобик. – Говорят – я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату – что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

– А что это у вас за штука на стене висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болтается.

– Это часы, – ответил Барбос. – Разве ты часов никогда не видел?

– Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

– Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

– Как – ходят? – удивился Бобик. – У них ведь ног нету!

– Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

– Ого! Так они ещё и дерутся? – испугался Бобик.

– Да нет! Как они могут драться!

– Ты ведь сам сказал – бить!

– Бить – это значит звонить: бом! бом!

– А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

– А что это у вас за пила?

– Какая пила! Это гребешок.

– А для чего он?

– Эх, ты! – сказал Барбос. – Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

– Как это – причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

– Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

– Послушай, – закричал он, показывая на зеркало, – там собака какая-то!

– Да это ведь ты сам в зеркале! – засмеялся Барбос.

– Как – я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

– Ну вот, теперь их уже двое!

– Да нет! – сказал Барбос. – Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

– Как – неживые? – закричал Бобик. – Они же ведь двигаются!

– Вот чудак! – ответил Барбос. – Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

– Верно, похожа! – обрадовался Бобик. – Точь-в-точь как ты!

– А другая собака похожа на тебя.

– Что ты! – ответил Бобик. – Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

– Такие же лапы, как у тебя.

– Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-

то двух собак и думаешь – я тебе поверю, – сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

– Глянь-ка, а этот чудака в зеркале тоже причёсывается!
Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

– Чудно тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

– У нас ещё телевизор есть! – похвастался Барбос и показал телевизор.

– Для чего это? – спросил Бобик.

– А это такая штука – она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

– Вот этот ящик?

– Да.

– Ну, это уж враки!

– Честное слово!

– А ну пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

– Мне даже есть захотелось, – говорит Бобик.

– Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, – предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит – там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке – большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

– Бобик, иди скорей кисель есть! – закричал Барбос.

Бобик прибежал:

– Где кисель?

– Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

– Ох и вкусный кисель! – говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

– Тебе хорошо живётся! – говорит Бобик. – У тебя всё есть.

– Да, – говорит Барбос, – я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу – гребешком причёсываюсь, хочу – на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

– А тебе позволяет дедушка?

– Что мне дедушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

– А где же дедушка спит?

– Дедушка там, в углу, на коврик.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

– Здесь всё моё! – хвастался он. – И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

– А можно мне на кровати поваляться? – спросил Бобик. – Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

– Ну пойдём, поваляемся, – согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

– А для чего у вас здесь плётка?

– Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, – ответил Барбос.

– Это хорошо! – одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

– Эх, Васька, – сказал Барбос, – опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

ВИНТИК, ШПУНТИК И ПЫЛЕСОС

Кто читал книгу «Приключения Незнайки», тот знает, что у Незнайки было много друзей, таких же, как он, маленьких человечков.

Среди них было два механика – Винтик и Шпунтик, которые очень любили мастерить разные вещи. Однажды они задумали соорудить пылесос для уборки помещения.

Сделали круглую металлическую коробку из двух половинок. В одной половинке поместили электромотор с вентилятором, к другой присоединили резиновую трубку, а между обеими половинками проложили кусок плотной материи, чтобы пыль в пылесосе задерживалась.

Трудились они целый день и целую ночь, и только наутро пылесос был готов.

Все ещё спали, но Винтику и Шпунтику очень хотелось проверить, как работает пылесос.

– Сначала почистим ковёр в спальне, – предложил Шпунтик.

Он включил пылесос, и пыль с ковра так и полетела в трубу. Поток воздуха был так силен, что в трубу засосало

чулки Растеряйки, которые случайно валялись у него под кроватью.

Потом сдуло со стола ручные часы доктора Пилюлькина и тоже засосало в трубу. Винтик и Шпунтик ничего не заметили, так как им обоим очень хотелось спать.

Под столом стоял ящик с красками художника Тюбика. После того как Винтик почистил пыль под столом, количество красок в ящике значительно поубавилось.

– А теперь попробуем чистить одежду, – сказал Винтик и начал чистить пиджак Горопыжки. Пыль из пиджака так и полетела в трубу, а вместе с пылью и пуговицы.

Потом они стали чистить штанишки Пончика. А у Пончика в карманах всегда лежали конфеты. Пылесос был такой мощный, что даже конфеты повысасывал из карманов.

После этого они стали чистить курточку Знайки, и тут только Шпунтик заметил, что из кармана вытащило Знайкину вечную ручку. Он хотел прекратить работу, но Винтик сказал:

– Ничего, потом откроем пылесос и достанем.

– А теперь почистим диван, – предложил Шпунтик.

Они стали чистить диван. Гвозди из обшивки так и выскакивали и исчезали в трубе.

Обшивка постепенно разлезлась, пружины повыскакивали, спинка отвалилась, диван рассыпался на кусочки, и вся диванная начинка вместе с пружинами полетела в трубу.

Дело кончилось тем, что в трубе застряла диванная ножка и пылесос ничего больше не мог всасывать.

– Ну и ладно, – сказал Винтик. – Ляжем спать, а когда встанем, починим диван и вытащим из пылесоса все гвозди.

Друзья легли спать и моментально заснули.

В это утро первым проснулся Растеряйка и принялся искать чулки. Все стали над ним смеяться, потому что он вечно терял свои вещи.

Потом встал Ворчун и с удивлением обнаружил, что у него пропали брюки.

У Авоськи не осталось на одежде ни одной пуговицы. Он так и ходил, придерживая брюки руками, потому что без пуговиц они не могли держаться.

В общем, у каждого что-нибудь потерялось. Только у Незнайки ничего не пропало.

Торопыжка сказал:

– Это, наверно, Незнайка всё устроил. Почему у него ничего не пропало?

– Братцы, я не виноват! – кричал Незнайка. – У меня ничего не пропало, потому что я спал в одежде. Я вчера очень устал, и мне лень было раздеться.

Наконец Знайка обнаружил в углу комнаты какую-то загадочную машину с трубой, из которой торчала диванная ножка.

Знайка сейчас же понял, что это, без сомнения, дело рук Винтика и Шпунтика, и принялся будить их.

Винтик и Шпунтик встали. Они открыли пылесос и обнаружили в нём все пропавшие вещи.

– Мы слишком сильный мотор поставили, – сказал Шпунтик. – Надо уменьшить его мощность, и пылесос перестанет всасывать крупные вещи.

Сейчас же к пылесосу выстроилась длинная очередь. Каждый получал, что у него потерялось: Растеряйка – чулки, Авоська и Торопыжка – пуговицы, Ворчун – свои брюки.

А Незнайка сказал Винтику:

– Посмотри-ка, пожалуйста, нет ли в пылесосе моего свистка, который потерялся прошлым летом.

Все стали над Незнайкой смеяться. Но тут Винтик вдруг обнаружил среди прочих предметов и Незнайкин свисток.

Все удивились и никак не могли понять, как очутился в пылесосе свисток, который пропал в прошлом году. Ведь в прошлом году и пылесоса-то не было!

Серия «Школьная библиотека»

Носов Николай Николаевич
МИШКИНА КАША

Для младшего школьного возраста

Художник **Савченко Анатолий Михайлович**

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.010822.06.10 от 30.06.2010
Подписано в печать 30.08.2010. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Усл. п. л. 7. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 80 000 экз. Заказ № 4008.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа:

ООО «Атберг 98» (495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин:

(495) 687-27-19 www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Носов Н.Н.

Мишкина каша / Худож. А.Савченко. — М.: Самовар,

Издание И.П.Носова, 2010. — 112 с.

ISBN 978-5-9781-0418-9

9 785978 104189 >

© Носов. Текст,

художественные образы.

© Издательство «Самовар»,

серийное оформление.

© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Анатолій Савченко